

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

По мере развития искусности здесь аранжируются обретенные от божественного огня умения свободных людей, творческие знания. Аккумулируются также практические навыки – происходит обобщение опыта механических профессий, которыми могли заниматься и подневольные. А еще педагогика (παιδαγωγική) – искусство элементарного возвращения человека, его воспитание.

Модификация данного ареала получила в новой структуре название технэ (τέχνη), или искусство как мастерство.

ИСКУШЕНИЕ ЗНАНИЕМ

Возможность размышлять о предметах и явлениях независимо от актуального состояния, рассуждать в условиях, когда доказательность имеет большее значение, нежели утверждение, произвела в умах революцию, навлекая на мыслящее сословие безумие тотального релятивизма, вызывая опьянение потенциами разума, оторванного от бытия, и порождая эвристическое бешенство софистики.

Это была иная дерзость, нежели «свойские» отношения между людьми и богами, характерные для персонажей Гомера. Антропологический субъективизм становился руслом и регламентом умственного действия. Его лозунг: «Влиять, а не определять», – намекает на будущие горизонты идеологии и политтехнологий. Выбор заключался в ответе на вопрос: «Что важнее – понять или утвердить?»

Скепсис Сократа противопоставил смиренную созерцательность умозрительному дерзновению. Мысль о том, что рациональное знание необходимо и возможно именно потому, что ум знает свою ограниченность, имела далекоидущие следствия. По сути, Сократ обосновал разработку инструментария познания (его протезов) и обустройство интеллектуальной инфраструктуры.

Следствием круговорота амбиций софистов и разочарований стоиков явилась экзистенциальная растерянность киников, распятых меж миром века сего и миром горним (Диоген). Тем временем произошло переосмысление разрыва, схизмы между немощью человека и полнотой реальности – былым свойским отношениям с божественной запредельностью положен конец: осваиваемый ареал бытия определен как контур, тень истинного положения вещей (Платон). Обретение же когнитивных инструментов, регламентов вело к формализации мировоззренческой конструкции и как следствие – к рационализации жизни в виде мироустроительного проекта (политики и стратегии). Обнаружение же истины (познание) становилось технологическим действием, целостным, соразмерным в своей внутренней структуре, но опосредованным (то есть не непосредственным) и суммарным в поступательной динамике рас-

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

суждения. Венцом ментальной инженерии стало значимое непротиворечивое суждение: аргументированное, испытанное дискуссией, признанное конклавом и потому принимаемое как истина (Аристотель).

Истина, таким образом, постигалась через полноту знаний (гнозис, γνῶσις), понимаемую как синтез авторитетных суждений и выводов (эпистема, ἐπιστήμη), а сложность логически неодолимых препон – как комплексность, частично проясняемая по мере прохождения сквозь фильтры аксиом, препятствия теорем, ограничения таких волнорезов, как категории и отчасти как сверкающие мыслимыми гранями бриллианты апорий, которые можно разбить молотом, но нельзя процарапать ментальной субстанцией.

Результатом явилась оригинальная для своего времени целостность: умозрительная непротиворечивая эпистемология: «наука» зона как организованное логикой знание (правда, с пристройкой террариума неразрешимых парадоксов). В свою очередь подразделяемая на теорию (размышления о принципах мироустройства), практику (объект рефлексии – социальные явления) и технологию (осмысление опыта умений, искусность).

Соприкасаясь с миром природы и человеческих потребностей, мощь нового сознания рождала многочисленные производные от союза логики и эмпирики (в диапазоне между Эвклидом, Эратосфеном, Архимедом)¹¹.

¹¹ УТВЕРЖДЕНИЕ МИРОВОЗЗРЕНИЯ, ТО ЕСТЬ СОПРЯЖЕНИЕ ЦЕННОСТЕЙ С ОПРЕДЕЛЕННОЙ ФОРМОЙ МЫШЛЕНИЯ, ПРОИСХОДИТ НЕ В СТЕРИЛЬНОЙ ЗОНЕ ОДИНОКОГО СУЩЕСТВОВАНИЯ, НО В НАПОЛНЕННОМ СТРАСТЯМИ ПРОСТРАНСТВЕ ПРАКТИКИ. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЭТИКИ И ПОЛИТИКИ ФОРМИРУЕТ ОБЩЕСТВЕННЫЙ КОНСЕНСУС, УТВЕРЖДАЯ НОРМЫ ОБЩЕЖИТИЯ. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКАЯ ФОРМУЛА ПРОИЗВОДИТ ПРАВОВОЙ АППАРАТ, КОТОРЫЙ НОРМИРУЕТ СУММУ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ, ПРЕВРАЩАЯ ЕЕ В СОЦИАЛЬНУЮ ОРГАНИЗАЦИЮ, ЧТО ВЫРАЖАЕТСЯ, В ЧАСТНОСТИ, В ЦЕНТРАЛЬНОМ НОМОКАНОНЕ – ПИСАНОЙ ИЛИ НЕПИСАНОЙ КОНСТИТУЦИИ. ОТСЮДА ПРОИСТЕКАЮТ ПОЛИТИЧЕСКИЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СЛЕДСТВИЯ, В СВОЮ ОЧЕРЕДЬ РЕАЛИЗУЕМЫЕ В ДОКТРИНАХ, КОНЦЕПЦИЯХ, СТРАТЕГИЯХ. ЗАНИМАЯСЬ ПРОБЛЕМАМИ ПРАКТИКИ, ПРИХОДИТСЯ СТАЛКИВАТЬСЯ С КУЛЬТУРНЫМИ ВЕРСИЯМИ, ЗАТРУДНИТЕЛЬНЫМИ, А ПОРОЙ ПРЯМО-ТАКИ АЛОГИЧНЫМИ ДЛЯ ВНЕШНЕГО НАБЛЮДАТЕЛЯ, ЕСЛИ НЕ УЧИТЫВАТЬ ИХ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКУЮ ОСНОВУ. ПРИВЕДУ ПРИМЕР: ИСЛАМСКАЯ БАНКОВСКАЯ СИСТЕМА, ГДЕ «В ЗОЛОТОМ ГОРОДЕ ПРИНЦИПЕ» ВООБЩЕ-ТО ЗАПРЕЩЕНО ВЗИМАНИЕ ПРОЦЕНТА (ЧТО САМО ПО СЕБЕ СТАВИТ БОЛЬШОЙ ВОПРОСИТЕЛЬНЫЙ ЗНАК) И ДАЖЕ ВОЛЕЕ ТОГО – СУЩЕСТВУЕТ ПОНЯТИЕ «ОТРИЦАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕНТА», ТО ЕСТЬ ОТЧИСЛЕНИЕ ДВУХ С ПОЛОВИНОЙ ПРОЦЕНТОВ, КОТОРЫЕ НАПРАВЛЯЮТСЯ НА БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. КРОМЕ ТОГО, ВКЛАДЫВАЯ ДЕНЬГИ В БАНК, ЧЕЛОВЕК ИНТЕРЕСУЕТСЯ НЕ ТОЛЬКО РАЗМЕРОМ ПРИБЫЛИ, НО И ТЕМ, НА КАКИЕ ЦЕЛИ БУДУТ НАПРАВЛЕННЫ ДЕНЬГИ. К ПРИМЕРУ, ИХ НЕЛЬЗЯ ИСПОЛЬЗОВАТЬ ДЛЯ ПРОИЗВОДСТВА СПИРТНЫХ НАПИТКОВ ЛИВО НА ИНЫЕ НЕДОСТОЙНЫЕ С ДАННОЙ МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКОЙ ПОЗИЦИИ ЦЕЛИ. ЭТО ИДЕАЛЬНАЯ КУЛЬТУРНАЯ МОДЕЛЬ, КОТОРАЯ ИМЕЕТ ТЕ ИЛИ ИНЫЕ ФОРМАТЫ ЕЕ РЕАЛИЗАЦИИ. СУТЬ ЖЕ РАССУЖДЕНИЯ В ТОМ, ЧТО НЕКОТОРЫЕ ФОРМУЛЫ ПРАКТИКИ, ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕСЯ УНИВЕРСАЛЬНЫМИ, ТАКОВЫМИ НЕ ЯВЛЯЮТСЯ, ДРУГИЕ ЖЕ, ПОРОЮ УЖЕ СПИСАННЫЕ БЫЛО В АРХИВ, МОГУТ ОКАЗАТЬСЯ ЧЕМ-ТО БОЛЬШИМ, НЕЖЕЛИ «ФУНДАМЕНТАЛИСТСКОЙ ПРИЧУДОЙ». СЕГОДНЯ, К ПРИМЕРУ, В НЕКОТОРЫХ СТРАНАХ ИМЕЕТ МЕСТО ПОДОБНАЯ СИТУАЦИЯ С ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИФИКАЦИЕЙ ЛЮДЕЙ.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

РОЖДЕНИЕ НАУКИ ОТ СЕМЕНИ СРЕДНЕВЕКОВЬЯ И ДУХА НОВОГО ВРЕМЕНИ

В Европе второго тысячелетия возникает организация знания, которая с некоторыми модификациями сохранилась до нашего времени. В нее заложен иной мировоззренческий подход: христианский взгляд на смысл бытия как явления, совершенное понимание которого оказывается за гранью человеческого разума, но процесс постижения остается в пределах возможного. Порядок вещей не умопостигаем сам по себе: он сопряжен с императивом опознания закономерностей мира посредством непредвзятого исследования творений (естества). А усвоение приоткрываемой иной логики – с неординарными усилиями по трансформации мышления (и собственного естества).

Умственное производство оказывается вновь востребованным возродившейся новоевропейской городской средой, однако уже как ремесло. Университетская культура и последующие индустриальные формы получения/трансляции знания, надеюсь, еще станут предметом обсуждения на заседаниях семинара. Сейчас же отмечу: на заре Нового времени в условиях проникновения в Европу аристотелизма (причем в авероистской трактовке) проблема знания как такового, его организации и «упаковки» приобретает острый характер. В конце XIII века в Парижском университете проходят две масштабные дискуссии, фактически имевшие следствием рождение науки в современном ее понимании. Действительной рефлексии Аристотеля о перводвигателе («движущей причине») и нисхождении следствий, определяемых в соответствии с законами логики, – то есть соблюдению принципа непротиворечивости как критерия истины – была противопоставлена иная позиция: испытание реальности в эксперименте.

Ход рассуждения был приблизительно следующим: ум всемогущего свободного Творца кардинально отличен от ума человека, превосходит логику и не всегда понятен (Книга Иова). Поэтому в отыскании истины нельзя исходить лишь из логически обоснованных установлений, сколь бы очевидными те не представлялись. Познавать же реальность можно, прибегая (помимо Откровения) к непосредственному испытанию творения, ибо, будучи созданным Творцом, оно в своем естестве содержит – и приоткрывает взыскующему – грани Его мудрости, отчасти замыслы, приближая к истине и развивая разум.

Исследуя природу и человека как созданные субстанции (содержащие печать, отзвук, образ мыслей и намерений Творца), мы просвещаемся не только представлениями несовершенного человеческого разума, быть может, обманывающегося. Критерием истины становится эксперимент, опытная проверка гипотезы, и тогда мы начинаем понимать закономерности, исходя не из голых умозаключений, порождаемых тем или иным типом сознания, но из опознания запечатленных в творении («объективизированных») мыслей и установлений, не всегда и необязательно совпадающих с человеческими предположениями о них.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Новая организация знания формируется и легитимизируется в Европе на основе данного постулата, то есть христианского взгляда на принципы опознания регламентов бытия. Знание уже не умозрительно (*speculatio*), но требует обязательной верификации предполагаемых закономерностей через непредвзятое исследование природы. Античная «наука» – натурфилософия – в своих основах была гипотетична, принципиально умозрительна, спекулятивна, техническое же знание оставалось искусством – реализацией секретов профессионального мастерства. Причем достигнутые однажды экспериментальные результаты могли и не учитываться в последующих умозаключениях (вспомним, к примеру, судьбу замечательных опытов Эратосфена).

Так формируется предметность новоевропейских естественных наук (*science*) как подтвержденного экспериментом логичного суждения, предполагающего обязательное опытное исследование объектов, существующих независимо от человека (проверка гипотез). Постулаты подобного подхода – контекстуальность науки (связь привносимого с познанным требует экспериментального доказательства либо столь же обоснованного опровержения), «бритва Оккама» (лапидарность обоснований), универсальная воспроизводимость опыта.

Гуманитарное знание (*scholarship*), включающее социальное и сферу математики (логических инструментов), – сумма дисциплин, исследующих дела людей, творения их ума, рук, сердец, постулирующих и развивающих саму семантику постижения. Такое знание является дисциплинированным (отвечающим определенным требованиям) рассуждением, сферой свободных искусств.

Конкурирующими институтами обретения знания (и развития личности) становятся университет, затем – академия.

* * *

Линейная «аристотелева» логика не была, однако, списана со счетов: проиграв богословский спор, она выиграла практику и подвела со временем цивилизацию к кризису.

В чем привлекательность аристотелизма? Главным образом в четкости и эффективности. Логика Аристотеля была внятна для сложившегося типа мышления, но что более важно – она удобна для прагматичного использования, не требуя удержания вроде бы избыточной в житейских вопросах сложности. Антиномийная же природа бытия расценивается скорее как экзотичный аспект, по-своему перспективный для исследования.

Упрощение мысли, упрощая жизнь, не упрощает реальность, но люди вольно или невольно склоняются к подобному ее прочтению. Соответствующим образом менялось направление научного поиска: от взыскания истины смещаясь к прагматичному использованию знания – производству эффективных механизмов, действенных решений. И в конце концов – к примату технологий над жаждой приобщения к истине. Иначе говоря, вместо обретения инструментария для богопознания произошли обожествление знания (*dum perfectum*) и одновременно его симплификация, позволявшие обустроить и заселять мир.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

Напомню, Аристотель рассуждал следующим образом: истина логична, божественность действует ясным образом, собственно это и не Бог, а перводвигатель, передающий миру некий начальный импульс, мы же, моделируя шаг за шагом механику бытия, конструируем сложную, но непротиворечивую систему, постигая суть жизни и порядок вещей. Другими словами шаблонным отыскания истины с некоторыми оговорками оказывается часовой механизм, автомат, автоматон.

Приблизительно до рубежа XX века подобный подход демонстрировал эффективность, способствуя вкуче с постулатами Просвещения распространению рационализма, техницизма, индустриальной культуры. Затем произошло неожиданное: свойства природы, приоткрывшиеся в начале прошлого века (в особенности на уровне микромира¹²), существенно разошлись с кодами мышления – общепринятыми, впечатанными в психику представлениями о принципах и координатах мироздания.

Вскрылся ряд впечатляющих несоответствий между экспериментально установленными фактами и устоявшимися взглядами на природу пространства, времени, взаимосвязь субъекта и объекта. Человек обнаружил: его мыслительный аппарат, аподиктическая карта мира не вполне соответствуют реальности проживания, однако исследование реальности позволяет менять упрощенные представления, преобразовать сознание, совершенствовать ум. Сама новоевропейская наука, основанная на позиции обязательной экспериментальной проверки любых непротиворечивых построений, предъявила тому доказательства. И предоставила изоощренный инструментарий, одновременно предъявив запрос на усложнение мышления, способность удерживать антиномии и оперировать непростыми для современного человека композициями, все чаще увлекаемыми опытным путем из практики.

И если бы не было новоевропейского подхода к исследованию бытия, не было экспериментально верифицированной науки, основанной на принципах христианской теологии, то человек оставался бы в неведении относительно гораздо более сложной, нежели предполагал, но и более реальной картины мира. Люди продолжали бы конструировать непротиворечивые гипотезы на языке логики, простодушно полагая их за истину. И создавали бы, как теперь понимаем, примитивные – с позиций сегодняшнего дня – механизмы. Сложные же, основанные на вскрытой и отчасти познанной нелинейности мира, преобразующие сегодня человеческий и природный космос, оказались бы недоступными, ибо основания их нередко лежат за гранью привычной логики.

Кризис провоцировал и стимулировал дальнейшие размышления о новой рациональности, о радикально ином типе рефлексии, обновление методологии познания и действия. Вос-

¹² Кстати, теория относительности и квантовая механика и поныне полноценно не стыкуются, фактически это «разные физики», то есть до сих пор отсутствует единая физическая теория, и мы существуем в ментально парадоксальном мире.

ПРЫЖОК ЛЯГУШКИ

требуемыми оказались взгляды на природу знания, остававшиеся долгое время в стороне от столбовой дороги цивилизации. В том числе развивавшиеся апофатическим мышлением и синергичным сознанием.

* * *

Сегодня явно и неявно происходит реорганизация актуального знания на постулатах, отличных от классических формул его разграничения на научное, дисциплинарное, прикладное.

Черты эпистемологического транзита в конституции знания как института можно различить, к примеру, в концепции слияния науки и технологии в синтетическую форму технонауки. Переосмысление феномена европейской науки под маркой знания о технологиях фактически реализует паллиативную конструкцию, где на основе либерального подхода к теоретической верификации закономерностей, обретаемых порой по принципу «черного ящика», коррумпируется континуальность науки. Кроме того допускается неотчетливость, избыточность обоснований – избыточность, фактически нивелирующая «бриту Оккама». А при высокой эффективности результата (параметр, становящийся доминантным) «закрываются глаза» на высокую степень неустойчивости выявленных закономерностей, а подчас и на уникальность и спорадичность их проявления.

Можно также представить реконструкцию шаблона в виде тетраграммы, описывающей четыре ситуации:

- рациональное, отчуждаемое от создателя – формальное, дисциплинарное знание;
- рациональное, неотчуждаемое – экспертиза как персональное искусство;
- нерациональное, отчуждаемое – объекты художественного творчества;
- нерациональное и неотчуждаемое – мастерство, манифестацией которого является субъект сам по себе.

ЗНАТЬ – ЗНАЧИТ БЫТЬ

*Действовать – значит решиться
думать иначе, нежели думал прежде.*

Мишель Фуко

ОБРАЗОВАНИЕ ЭЛИТЫ

Элиту можно понимать по-разному. Бернарду Меламуду принадлежит сентенция: «Когда нет героев, все мы – лишь обыкновенные люди и не знаем, насколько далеко способны зайти».

Жизнь – это шанс. Аристократия, знать, нобили, *edelingen*, герои, лидеры, праведники – слова, деформированные скепсисом, стертые от плоского употребления. Они обозначают – в некоем